

1. Русск. *индрик*, *индер*

Фольклорное русское наименование сказочного животного *Индрик-Зверь* нельзя считать достаточно разъясненным. Давно уже предложенное объяснение этого слова и его вариантов (*Вындрик*, *Индрок*, *Индрия*, *Индра*) как результата трансформации др.-русск. *инърогъ*, *инорог* 'единорог'¹ (калька греч. μονόκερως, ср. аналогичные кальки типа лат. *unicornis* в литературных западноевропейских языках) не кажется убедительным как ввиду фонетических и словообразовательных трудностей, так и потому, что эта гипотеза не учитывает особенностей семантики этого слова. По поводу девичьей фамилии бабушки героя «Подвига» *Индрикова*, образованной от *индрик*, Набоков писал: «Девичья фамилия бабки, волшебным происхождением разнясь от Волковых, Куницыных, Белкиных, относилась к русской сказочной фауне. Дивные звери рыскали некогда на нашей земле» («Подвиг»). Среди этих дивных зверей Индрик-Зверь был главным действующим лицом: он был матерью всех зверей (по Голубиной книге), что заставляет сразу же предположить наличие влияний тех евразийских мифологий (типа сибирских), для которых (в отличие, в частности, от всех древних индоевропейских традиций, в том числе и древнеславянской) характерно наличие Матери (хозяйки) зверей. Но особенно существенно то, что у Индрика-Зверя голова и хвост коня, а тело рыбы²: Индрия-Зверь водный (Азбуковник, изданный Сахаровым). Первое обстоятельство несовместимо с прямым возведением имени этого животного к названию единорога.

¹ Ф а с м е р II, стр. 132. О. Н. Трубочев указал автору на возможность возведения русск. *Индрик-Зверь* как «полукальки» к греч.* Ἰνδρικόθηριον, ср. К. Индикоплов при греч. Ἰνδικοπέλεισττης. Но это последнее восстанавливается только на основе современного палеонтологического термина типа русск. *индрикотерий* (название вымершего носорога). Термин же этот является поздним книжным образованием.

² См.: В. Ф. М и л л е р. О лютом звере народных песен древности. «Труды Московского археологического общества». М., 1877, т. VII, вып. 1, стр. 3 и сл.; Г. Н. П о т а н и н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899, стр. 182. — О волшебных славянских средневековых bestiариях, в которых Индрик отсутствует, но отчасти сходную функцию царя всех зверей исполнял исследованный Веселовским Китоврас, см.: Н. Б а т а л и н. Сказание об Индейском царстве. «Филологические записки», г. 13. Воронеж, 1874, стр. 34 и сл.

Вместе с тем эта его характеристика позволяет четко очертить круг мифологических источников, из которых могло быть почерпнуто подобное представление. Фантастическое животное, у которого рыбы плавники сочетаются с головой и ногами млекопитающих животных (чаще всего слона, но иногда тапира, носорога и других копытных), в высшей степени показательно для поверий (отраженных и в изобразительном искусстве) Индии и стран индийской культуры (в том числе и для таких областей Средней Азии, как древний Пянджикент). Обычно это животное обозначается санскритским термином *makara* 'макара, морское животное, морское чудовище, крокодил, акула, дельфин' и производными от него словами³. Фантастические животные такого типа, соединяющие черты рыбы и копытного животного, встречаются и в более ранних памятниках культуры народов, испытавших воздействие древне-переднеазиатских культурных традиций: так, для типологии черт, объединяемых в образе Индрика, могут представить особый интерес доэллинистические этрусские изображения коней с рыбьими хвостами⁴. Общую культурно-историческую

³ О первоначальном значении древнеиндийского слова *makara* и характере соответствующего ему образа и изображений ср. Ph. Vogel. *Errors in Sanskrit dictionaries*. — BSOAS, 1957, vol. XX, стр. 561—562; Она же. *Le makara dans la sculpture de l'Inde*. «Revue des Arts Asiatiques». Paris, vol. VI, 1929—1930, № 3, стр. 133—143 (в частности, о копытных макарах стр. 136—137), № 14—17, 21; O. V i e n n o t. *Typologie du makara et essai de chronologie*. «Arts asiatiques», Paris, vol. I, 1954, fasc. 3 (см. о копытных макарах табл. VII, № 6—9), стр. 189 и сл.; Она же. — «Arts asiatiques», vol. V, 1958, fasc. 3; D. K. B o s c h. *The Golden germ. The Hague—Paris, 1960*, стр. 21—22; А. М. Б е л е н и ц к и й. Новые памятники искусства древнего Пянджикента. Опыт иконографического истолкования. «Скульптура и живопись Пянджикента». М., 1954, стр. 73—77, табл. XXXI—XXXII; Н. В. Д ъ я к о н о в а, С. С. С о р о к и н. Хотанские древности. Л., 1960, стр. 107, №№ 1613, 1614; Е. С. С е м е к а. Опыт типологического истолкования некоторых символов раннего цейлонского буддизма. «IV сессия по Древнему Востоку. Тезисы докладов». М., 1968; B. D. R o b i n s, K. F. B u s s a b a r k e r. *The Makara, a mythical monster from India*. «Archeology». New York, 23, 1970, № 1, стр. 38—43. Ср. также о сложных композициях, включающих макару и сходных образах в искусстве Юго-Восточной Азии: G. de S o r a l - R e m u s a t. *Influences javanaises dans l'art de Roluoh (IX siècle) et l'influence de l'art de Roluoh sur le temple de Bantañ Srëi (fin de Xe siècle)*. «Journal asiatique», 1933, стр. 190—192; Она же. *Concerning some Indian influences in Khmer Arts*. «Indian Art and Letters». Delhi, vol. VII, 1933, стр. 110 и сл.; Она же. *Animaux fantastiques de l'Indochine, de l'Insulinde et de la Chine*. Conférence faite au Musée Louis Finigt le 27 janv. 1936. «Bulletin de l'École Française d'Extrême Orient». Hanoi, t. XXXVI, 1937, стр. 428; M. H a l l a d e. *Arts de l'Asie anciennes, thèmes et motifs*. II. *L'Asie du Sud-Est*. Paris, 1924, tabl. XXIV, 254, 257, 259; XXXIII, 327, 328, 334; XXXVI, 364 и S. B. D e o. *A note on the «Makarika» ornament*. «Journal of the Oriental Institute M. S. University of Baroda». Baroda, vol. XVI, 1968, № 2, стр. 164—165.

⁴ G. A. M a n s u e l l i. *Le sens architectural dans les peintures des tombes tarquiniennes, avant l'époque Hellenistique*. «Revue archéologique». Paris, 1967, fasc. I, стр. 41—74. Многочисленные примеры более поздних передне-

типологию подобных фантастических «комбинированных» животных-драконов наметил В. Я. Пропп, указавший, что они характерны для мифологии и искусства древних государств: Египта, Вавилона, Индии, Греции, Китая, где дракон обычно состоит из двух, трех, четырех и более животных, чаще всего пресмыкающегося и птицы, но иногда и других животных (пантеры, льва, козла и т. д.)⁵. Наиболее ранние образцы таких комбинированных существ представлены уже в искусстве Верхнего Палеолита, в частности, в известной фигуре «Колдуна» из Труа-Фрер с ногами и головой человека, хвостом лошади, лапами медведя, «бородой» серны, лицом и клювом совы, глазами волка, рогами и ушами оленя⁶. Помимо случаев присоединения звериных (зооморфных) атрибутов к человеческой фигуре в графике Верхнего Палеолита обнаруживаются и другие комбинированные изображения, включающие разных животных, в том числе лошадей. Анализ этих наиболее архаичных комбинированных животных привел крупнейшего исследователя первобытного искусства А. Леруа-Гурана к выводу, что в них обычно соединяются символы, которые служат для передачи близких или полярных (синонимических или антонимических) значений⁷. Этот вывод представляется верным и по отношению к хронологически более поздним, но по типу архаичным комбинированным мифологическим животным типа индийской Макары и русск. Индрик-Зверя. Они либо обозначают комбинацию зооморфных символов разных мифологических миров, например, коня — символ среднего мира⁸ и рыбы — символ нижнего мира, либо сочетание зооморфных символов одного мира. Первый случай (комбинация антонимических зооморфных символов) представлен в сочетании коня и рыбы в образе Индрика, причем исполняемая им функция Матери всех зверей согласуется с представлением его как комбинированного животного, объединяющего черты животных среднего и нижнего миров. Второй случай (сочетание синонимических зооморфных символов) представлен в тех образах макары, где объединяются символы рыбы

азиатских комбинированных фантастических изображений этого типа, см.: Е. Ваег. «Fish-Pond». *Ornaments on Persian and Mamluk metal vessels*. — BSOAS, vol. XXXI, 1968, pt. 1, стр. 14—27.

⁵ В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, стр. 226.

⁶ Б. А. Фролов. Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974, стр. 89 (там же о роли числа разных видов, объединяемых воедино) и 221, табл. 48, б. — Замечание Б. А. Фирсова об отсутствии аналогий «межвидовым» комбинированным комплектам и неизученности этой проблемы не учитывает цитируемой ниже работы А. Леруа-Гурана.

⁷ А. Леруа-Гуран. *Le geste et la parole. La mémoire et les rythmes*. Paris, 1965, стр. 247—251 (и стр. 151—153).

⁸ Более подробно об этом и других подобных зооморфных символах см. В. В. Иванов. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *aśva-* 'конь' (Культовый конь и дерево *aśvattha* в Древней Индии). «Проблемы истории и культуры народов Индии. Сборник статей памяти В. С. Воробьева-Десятовского». М., 1974.

и слона, которые оба понимались как животные нижнего (водного) мира, ср. характерную для древнеиндийского языка многозначность слова *nāga* 'слон-змея'. Соответствующее мифологическое представление о слоне-змее как водном животном не ограничено пределами влияния области индийской культуры, а является общеэвразийским. В частности, этим объясняется то, что финские названия *norsu* 'слон' и *norsunluu* 'слоновая кость' связаны с *mursu* 'морж'⁹. Почти все атрибуты слона как мифологического водного и подземного животного нижнего мира встречаются и у Индрика, которого (как и слонов индийской мифологии) считали причиной землетрясений; о нем сообщается, что он живет под землей, с его огромным рогом связывали происхождение рек и колодцев. То, что рассказывают об Индрике, согласуется и с теми поверьями сибирских народов, в которых в качестве подобного змееобразного животного нижнего (водного) мира выступает не слон, а мамонт. По поверьям ханты, манси, кетов, югов (сымских кетов), селькупов, эвенков, мамонт, подобный лосю или быку, живет под землей в нижнем, водном мире. Согласно эвенкской мифологии, мамонт, живущий в море, представляет собой огромную рогатую полурыбу, полужмея с головой сохатого и туловищем рыбы¹⁰. Сходные представления отражены и в кетском мифе, где речь идет о 'рогах' (цо-п) — бивнях мамонта (*t'el'*), подобного киту или акуле¹¹. Мамонт изображается в этом мифе как огромная рыба, чьи рога примерзают зимой ко льду (ко дну моря — нижнего мира). По данным О. В. Тыгановой, записанным Г. К. Вернером, который любезно сообщил их автору, кетское сложное слово *qôt-tel'* (буквально 'мамонт-щука', ср. селькуп. *коцар. пиччи* с тем же значением) означает 'животное, о котором поют шаманы; крокодил' (вне этого сложения слова *tel'* 'мамонт' в пространном тексте мифа та же информантка переводила 'акула', что записавший это значение покойный А. П. Дульзон в письме к автору объяснял наличием у Тыгановой школьного образования). Любопытно, что 'крокодил' и 'акула' представляют собой

⁹ V. K i r a r s k y. L'histoire du morse (Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Ser. B, t. 73, 3). Helsinki, 1952.

¹⁰ С. В. И в а н о в. Мамонт в искусстве народов Сибири. «Сборник Музея антропологии и этнографии». М.—Л., 1949, т. IX, стр. 133—134; О н ж е. Скульптура народов Севера Сибири XIX—первой половины XX в. Л., 1970, стр. 229—231, рис. 38, 5, стр. 157—158, рис. 139—140, стр. 103, рис. 92.4. — в связи с вопросом об Индрике этих сибирских представлений коснулся уже В. Ф. М и л л е р. Указ. соч., стр. 6.

¹¹ А. П. Д у л ь з о н. Кетские сказки и другие тексты. «Кетский сборник. Мифология. Этнография. Тексты». М., 1969, № 57; В. В. И в а н о в. Восстановление первоначального текста кетского мифа о разорителе орлиных гнезд. «Материалы Всесоюзного Симпозиума по вторичным моделирующим системам. 1 (5)». Тарту, 1974, стр. 56—57. — Из типологических параллелей ср. выражение 'рог слона' в значении 'слоновая кость' в древней Эфиопии: E. L i t t m a n n. Indien und Abissinien. — «Beiträge zur Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte Indiens. Festgabe Hermann Jacobi zum 75. Geburtstag». Bonn, 1926, стр. 414.

обычные переводные эквиваленты санскритского *takara*, служащего названием сходного комбинированного мифологического животного нижнего мира.

Приведенные данные древнеиндийской и сибирских мифологических систем позволяют понять и несомненную связь русск. Индрик-Зверя с *индер* 'мамонт в виде змея'¹². Поскольку 'мамонт' и 'слон' оказываются взаимозаменяемыми мифологическими образами сказочных животных нижнего (водного) мира, в свете указанных фактов кажется возможным искать в общих мифологических русских терминах отражение старого обозначения одного из этих животных (а не единорога). Такое обозначение могло бы быть либо заимствовано из индоарийских языков, либо вторично пересмыслено (в случае, если непосредственный источник следует искать в греческом) в связи с Индрой, так как санскр. *Indra* означало бога, чьим священным животным — ваханой (др.-инд. *vāhana* 'животное, на котором ездит соответствующее божество', родственно месопотам. арийск. *wašanna-* 'стадион', согд. *wzn* 'дорога' в *nxr-wzn* 'круг Зодиака, дорога звезд'¹³) был слон. Связь бога грозы Индры со слоном запечатлена, начиная с пуранической литературы, где в разговоре Кришны с царем Нандой в «Брахмавайварте-пуране» (XXI, 102, 117) говорится о слоне, поднимающем хоботом воду из моря и передающем ее облакам, и вплоть до поэмы «Облако-вестник» («Meghadhūta») Калидасы, где речь идет о слоненке-облаке, помощнике бога Индры, изливающим воду вниз и вновь напивающемся из источников¹⁴. Вахана Индры — слон Айравата (др.-инд. *Airāvata* 'слон, змей, радуга', возможно, родственно корню хет. *illuianka-* 'дракон, демон, змей'¹⁵) изображается изливающим поток дождя на землю на восточном фронте храма 1 Бантеай Срей (X в. н. э.)¹⁶. Слон Айравата считался прародителем слонов и главой мировых сло-

¹² Г. Н. Потанин. Указ. соч., стр. 300. К отвергнутому Афанасьевым предположению о связи названия *Индрика* (*Индры-Зверя*) с именем бога Индры ср. В. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 3.

¹³ E. Benveniste. Hittite et indo-européen. Paris, 1962, стр. 9; V. V. Ivanov. Aryan du Mitanni *aika(-)vartanna* et védique *ekavṛt-*. «Mélanges linguistiques offerts à Emile Benveniste». (Collection linguistique publiée par la Société de linguistique de Paris, LXX). Paris, 1975, стр. 287—288. — Первичность значения 'стадион, дорога' в этом индо-иранском слове (родственном др.-англ. *wæg(g)n* 'повозка', нем. *Wagen* и т. п.) вытекает из того, что в ведах ваханы еще не представлены, см. J. Gonda. Change and continuity in Indian religion. The Hague, 1965, стр. 71—114.

¹⁴ Соответствующее мифологическое представление могло иметь и некоторые реальные основания, ср. о «Слоновых колодцах» в Кении: D. Holman. The Elephant people. London, 1967, стр. 19.

¹⁵ См. об этом и других возможных этимологических объяснениях В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. М., 1974, стр. 134 и сл., ср. там же, стр. 84.

¹⁶ А. Маршалль. Ангкор. М., 1968, стр. 121; Н. Г. Франз. Hinduistische und islamische Kunst Indiens. Leipzig, 1967, стр. 265; O. Vientnot. Le culte de l'arbre dans l'Inde ancienne. Paris, 1954, стр. 153. Об Индре и Айравате ср. также С. Л. Невелева. Мифология древнеиндийского эпоса (Пантеон). М., 1975, стр. 65.

нов. Если принять предположение о том, что слова *Индрик*, *индер* заимствованы из индо-арийских языков, то суффикс *-ик* в *Индрике*, вызывавший недоумение исследователей, можно было бы связать с частым суффиксом *-ика* в таких словах, как санскр. *takar-ika* 'включающий макару' (орнамент) от *takara* 'макара'. Подобные образования на *-ка* (ср. вариант *Индрок*) в древнеиндийском часто выступают в качестве названий животных или зооморфных существ: *asvaka* 'лошадка', 'нечто напоминающее лошадь'; *śaśaka* 'заяц'; *jambuka* 'шакал', ср. также производные типа *māṭṛka* 'материнское существо'¹⁷ и т. п. Исходными в равной степени могли быть формы **indrik(a)*- и **indrak(a)*- (хотя предполагавшееся в связи с традиционной этимологией наличие сложения с русским названием 'рога' или позднейшее народно-этимологическое установление связи с такими сложениями и получило бы типологическое подкрепление в приведенных поверьях о 'рогах' мамонта, оно не кажется фонетически вероятным). Относительно поздняя дата заимствования удостоверяется судьбой начального сочетания гласного с носовым (ср. как пример древнего слова той же исходной структуры праславянское *jeḍr-*, возможно исконно родственное имени Индры¹⁸) и отсутствием параллелей в других славянских языках. Поэтому кажется возможным соотнести хронологически это заимствование, засвидетельствованное в Голубиной книге, с отмеченными именно в этом памятнике русской литературы, как и в некоторых других явлениях старой русской культуры, индийскими влияниями¹⁹.

2. Этимология русск. *слон*

Воздействие индийских и других восточных представлений о сказочном змее-слоне, возможно, контаминировавшееся с общеевропейским (в частности, общесибирским) мифологическим образом змея-мамонта, представляется возможным видеть и по отношению к характерному для восточнославянского фольклора образу Змея²⁰ с несколькими хоботами²¹. С общесибирским обра-

¹⁷ Ср. A. Thumb — R. Nauschild. Handbuch des Sanskrit, II t. Formenlehre. Heidelberg, 1959, стр. 43—44; J. Wackernagel, A. Debrunner. Altindische Grammatik, Bd. II, 2, § 44 и сл.; 194 и сл.; 360 и сл.; P. Hartmann. Nominale Ausdruckweise, стр. 31 и сл.

¹⁸ В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Указ. соч., стр. 190—191.

¹⁹ В. Н. Топоров. Дхаммапада и буддийская литература. «Дхаммапада». М., 1960, стр. 9. Ср. также: Н. Баталин. Указ. соч., Н. В. Водовозов. Былина Кириши Данилова о Волхе и древние русско-индийские отношения. «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы», XIV. М.—Л., 1958, стр. 212—216.

²⁰ Б. Н. Путилов. Русские и южнославянские эпические песни о змеборстве. «Русский фольклор. XV. Исторические связи в славянском фольклоре». М.—Л., 1968, стр. 29; ср. Б. Н. Путилов. Русский и южнославянский героический эпос. М., 1971.

²¹ А. И. Никифоров. Победитель Змея (из севернорусских сказок). «Советский фольклор», 1936, № 4—5, сказка 7. Ср. . В. Новиков.

зом мамонта как огромного лося-сохатого сближается и представление, отраженное в сочетании «Жили слоны сохатные»²². По фольклорным речениям «Слон — существо чудище»²³.

Типологическое сходство восточнославянского фольклорного образа чудовищного слона-лося (близкого к Змею с хоботом) и общесибирского мифологического представления о мамонте-лосе заставляет отнестись с вниманием к недавно предложенному сближению русск. *слон* с сибирскими названиями мамонта. Однако в том виде, в каком эта гипотеза сформулирована Г. Е. Корниловым²⁴, она неприемлема: предположение заимствования (очевидно, достаточно позднего) через болгарско-чувашиский в русский оставляет неразъясненными формы других славянских языков (польск. *stoń*, ср. др.-польск. *wstoń*, чеш. *slon*, словц. *slon*, в.-луж. *stón*, н.-луж. *stón*, словен. *slón*, болг. *слон*), указывающие на более раннюю дату заимствования. Кроме того, поскольку варианты чуваш. *слун*, *слон* явно заимствованы из русского, представляется, что и форма *салан* являлась вторичным результатом преобразования начального сочетания *сл-*, чуждого чувашскому языку, поэтому отпадает и объяснение второй половины слова (*салан*) на почве чувашского (из *анг* 'зверь' или аффикса причастия). В более раннем чувашском языке в том же значении (слон) использовался переднеазиатский миграционный термин *нил*²⁵.

Г. Е. Корнилов ошибочно указывает кетскую форму названия мамонта, которая ему представляется близкой к чувашскому. В кетском языке это слово представлено в приведенной выше форме *tel'*, тогда как быть может отдаленно родственное ему (и

Образы восточнославянской волшебной сказки. Л., 1974, стр. 181, см. там же, стр. 192 о Змее в свете изложенного выше типологического вывода В. Я. Проппа о животных; Сказки и предания Самарского Края, собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. «Записки Русского Географического общества по Отделению этнографии», т. XII. СПб., 1884, сказка 1; Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г., т. II. М.—Л., 1951, стр. 57; Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1909, № 24.

²² Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1938.

²³ Даль² IV, стр. 612. — В том же плане может представить интерес и подпись под старинным русским лубком, изображающим слона, из собрания Д. Ровинского, см. Русские народные картинки. Собрал и описал Д. Ровинский. Кн. I—V. СПб., 1881. — К евразийским представлениям о чудесном олене-лосе ср. Г. Г. Шаповалова. Севернорусская легенда об олене. «Фольклор и этнография русского Севера». Л., 1973.

²⁴ Г. Е. Корнилов. Алтайские параллели к чувашским названиям оленя, верблюда и слона. «Проблема общности алтайских языков». Л., 1971, стр. 211.

²⁵ «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1955, стр. 140; В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 160. — Связь с этим миграционным термином (в аналауте которого начальное *s-* выступает в грузинском) славянского названия слона, предполагавшаяся К. Оштиром (К. Оštir. Slav. *slonъ* 'Elephant'. «Slavia», VI, 1, 1927, стр. 17), не представляется доказуемой.

другим сибирским названиям мамонта типа эвенк. *сэли* 'рога мамонта' в якутизированных говорах при обычном *хэли*, ср. якут. *хэли* ~ *сэли*²⁶) кетское слово *šel'* < **seli* (курейск. бакланих. ⁴*se* : *l'i*) имеет значение 'олень'. Различие между анлаутами и конечными плавными двух этих слов должно быть возведено к достаточно древнему периоду, как показывает сравнение с югск. (сымско-кетск.)⁴ *se^h : r* 'олень': *l'čel* 'мамонт'. Фарингализованный 4-й тон в югском (сымск.-кетском) в данном случае можно связать с исчезновением гласного второго слога и превращением слова в моносиллабическое²⁷; следовательно, как исходное (с учетом обычного для югского перехода *l' > -r*) восстанавливается общеенис. **se:l'i* 'олень', фонетически совпадающее с диалектным эвенкским *сэли* и якутским *сэли* 'рога мамонта'. Семантическая связь между названием оленя и рогов мамонта может объясняться описанными выше общесибирскими мифологическими представлениями. Поэтому по семантическим причинам вероятно и связь общеенис. **se:l'i* и **te:l* (откуда кетск. *tel'*, югск. *čel* с фонологическим развитием, предполагающим отсутствие конечного *-i), хотя происхождение различных анлаутов остается неясным и скорее всего должно объясняться древними табуистическими преобразованиями. Но для славянского не может быть исходной именно кетская форма названия мамонта. Тем не менее в принципе наличие центрально-азиатских источников для названия слона кажется возможным как по указанным данным сравнительной мифологии, так и ввиду наличия недавно открытых изображений слона-номадикуса в Западной Монголии²⁸. Якутский и тунгусо-маньчжурский варианты слова с начальным *x* могут послужить аргументами в пользу связи с этим миграционным термином и таких сибирских названий мамонта, как *нганасан*.

²⁶ Г. М. В а с и л е в и ч. Языковые данные по термину *хэл-кэл*. «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XI. М.—Л., 1949, стр. 154—155.

²⁷ Ср. о типологических параллелях такому развитию в енисейских языках (в частности, в ливском и тви): В. В. И в а н о в. К синхронной и диахронической типологии просодических систем с ларингализованными и фарингализованными тонами. «Очерки по фонологии восточных языков». М., 1975. — Автор признателен Г. К. Вернеру за сообщенные им в письмах акцентуационные и семантические данные о приводимых кетских и югских словах.

²⁸ А. П. О к л а д н и к о в. Центральноазиатский очаг первобытного искусства (Пещерные росписи Хойт-Цэнкерагуй (Сэнгри-Агуй), Западная Монголия). Новосибирск, 1972, стр. 37—38. Ср. о хронологическом несовпадении датировок исчезновения слонов и времени их наскальных изображений: Н. G. B a n d i. *Eiszeitkunst und Zoologie*. «Anthropos», Wien, vol. 63—64, 1968—1969. О многократно обсуждавшейся сходной проблеме по отношению к древнему искусству Нового Света см. уже W. S t e m p e l l. *Die Tierbilder der Mayainschriften*. «Zeitschrift für Ethnologie», Berlin, 1908, 40 Jg., Hft. V, стр. 716—719. Археологические данные о слоне и мамонте в Евразии см. R. B e r g e r, H. P r o t s c h. *The domestication of plants and animals in Europe and the Near East*. «Orientalia», n. s., vol. 42, 1973, f. 1—2.

калайя, юкагир. *кол-гул* 'мамонт' и ряда других форм с начальным *к*, сопоставленных с приведенными словами Г. М. Василевич²⁹. Поэтому при допущении табуистических замен начального согласного представляется возможным и предложенное Р. О. Якобсоном сопоставление слав. *slon(ъ)* с тохарским названием слона³⁰, которое в этом случае представляет собой одно из недостающих промежуточных звеньев между центрально-евразийскими и сибирскими формами этого миграционного термина.

Тох. А *oŋkalām*, В (куч.) *oŋkolmo* 'слон' Сэпир с точки зрения внутренней структуры сравнивал с тибет. класс. *glan* 'слон', 'бык'³¹. Наибольший интерес для выяснения истоков общеслав. **slon(ъ)* представляют родственные этому тибетскому слову архаические кит. **sḍaŋ*, бирм. *s^haŋ* < **slan*³², по своей морфологической структуре аналогичные таким названиям животных, как древнеписьмен. тибет. **mraŋ* > *rmaŋ* 'конь'³³, др.-бирм. *mraŋ*, др.-кит. *mra*³⁴ < **mraŋ* (при алтайских соответствиях и индоевро-

²⁹ Г. М. Василевич. Указ. соч., стр. 155—156.

³⁰ R. Jakobson. Selected Writings, vol. II. The Hague—Paris, 1971, 643 (впервые опубликовано в 1959 г.; тохарская форма приведена неточно). Ср. о возможном сближении с тибетским: В. В. Иванов. Тибетские калки в тохарских текстах. «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. VII. Сборник памяти Ю. Н. Периха». М., 1961, стр. 36.

³¹ E. Sapir. Tibetan influence on Tocharian. — Selected writings of Edward Sapir in language, culture and personality, ed. by D. Mandelbaum. Berkeley—Angeles, 1951 (статья впервые издана в 1936 г. после смерти Сэпира). Семантически сближение названий слона и быка поддерживается приведенным евразийским представлением мамонта как лося и быка. В первой части тохарского слова можно было бы предположить *oŋ-* (в значении типа тюрк. *aŋ-* 'зверь'). В словах индоевропейского происхождения типа тох. А *oŋkras*, В (куч.) *oŋkrosse* 'бессмертный' группа *oŋ-* может отражать слоговой носовой, см. N. van Brosk. Le traitement des nasales voyelles en tokharien. — KZ, Bd. 85, 1971, Hft. 2, стр. 283, 293—295.

³² K. Sedláček. Die Frikative **-ḥ-* in Sibilantenreihen des Altchinesischen. ZDMG, Bd. 116, 1966, Hft. 1, стр. 164. Относительно некоторых из слов, рассмотренных в этой статье, в последнее время высказывается допущение о наличии в анлауте **l* (а не **ḥ-*) в качестве второй фонемы, см. Kип Сhаnġ. Sino-Tibetan 'Iron': *q^hleks-* JAOS, vol. 92, 1972, стр. 441. В этом случае старая китайская форма (как и форма, исходная для бирманской) имеют ту же группу **sl-* в анлауте, что и славянская. Огласовка **o*, а не **a* отражена в среднекитайском (диалектном) варианте *yò* наряду с *ziay* 'слон': E. G. Pulleyblank. The Consonantal System of Old Chinese. P. II. «Asia Major», new series, vol. IX, pt. 25, 1963, стр. 233.

³³ W. S. Coblin. An early Tibetan word for horse. — JAOS, vol. 94, 1974, стр. 124—125.

³⁴ Соответствие китайскому названию лошади в бирм. *mraŋ* и других словах сино-тибетских языков было вслед за Конради указано уже в кн. П. П. Шмидт. Опыт мандаринской грамматики с текстами для упражнений. Владивосток, 1902, стр. 8; ср. Е. Д. Поливанов. О происхождении древневосточных орудий письма. «Сборник в честь проф. А. Э. Шмидта», Ташкент, 1924; Он же. Введение в языкознание для востоковедных ВУЗ'ов. М., 1928, стр. 52—54; Он же. Предварительное сообщение об этимологическом словаре японского языка. «Проблемы востоковедения», 1960, № 3, стр. 175—177; Он же. Избранные работы по общему языкознанию. М., 1968, стр. 63 (прим. 16), 167—168 и коммен-

пейских и дравидских формах того же миграционного слова, предполагающих основу **mor-*). По-видимому, форма типа кит. **sday*, бирм. **slay* послужила (возможно, через промежуточные центрально-азиатские формы, еще не выявленные) исходной для славянской, тогда как формы типа тиб. *g(a)lay* могли бы быть связаны с приведенными общесибирскими названиями мамонтовых. Очевидно, к другому варианту того же миграционного термина с анлаутом типа **k'l-* > **šl-* и преобразованным (быть может, по фонетическим причинам) исходом основы восходит лит. *šlėjus* 'слон', тогда как лтш. *ziluonis, ziluonis* 'слон' (ср. *ziluonkašls, ziluonkauls, ziluonkauls* 'слоновая кость')³⁵ отражает форму, более близкую к славянской, хотя и свидетельствующую об особой трактовке анлаута (со звонким согласным, за которым следовал гласный).

Литовская и латышская формы, сходство которых со славянскими несомненно, говорят против часто предлагавшегося сопоставления славянского названия слона с тюркскими обозначениями льва³⁶ (тур., азерб., чагат., уйгур., карачаев., балкар. *аслан* 'лев', чуваш. *арăслан*, ср. арх. чуваш. *услан* в *услан кайак* 'лев — зверь дикий', татар. *арслан*, тув. *арзылан*, башк., туркм. *арыслан*, кирг. *арстан*, казах. *арыстан*). Эту гипотезу, вероятно, следует оставить, подобному тому, как давно уже признана искусственной (и в лучшем случае остающейся в качестве народной этимологии) предлагавшаяся ранее связь имени существительного *slon*(ъ) с глаголом *sloniti* сѣ.

тарий II к этому месту (там же о тамил. *ma*). Относительно возможных связей между родственными словами алтайских языков ср. А. Саувагет. [Рец.]: «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», v. 54, 1959, f. 2, стр. 316.

³⁵ M ü h l e n b a c h — E n d z e l i n IV, стр. 721, 739.

³⁶ Ф а с м е р III, стр. 674—675, там же литература, к которой следует добавить указанную В. И. Абаевым структурную параллель с русск. *слан* из тюрк. *aslam*: В. И. Абаев. Из истории слов. 1. Русское *абрек*. «Вопросы языкознания», 1958, № 1, стр. 121, ср. там же о переносе значения 'лев' → 'слон'. В качестве семантической параллели В. И. Абаев указывает на осет. *dombaj* 'лев' < 'зубр' (ср. В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I. М.—Л., 1949, стр. 32; Он же. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М.—Л., 1958, стр. 365), иллюстрирующее закономерность, которую можно проследить и на значении этимологически с ним связанного (через исходное **zqb-* < **g^homb^h-* > *damb-*, см.: В. В. Иванов. Проблема названия зубра в балканских, славянских и балтийских языках. «Первый симпозиум по балканскому языкознанию. Античная балканистика. Предварительные материалы». М., 1972; V. V. Ivanov. Caucasian parallels to Rumanian *zimbru*, Russian *zubr*, Lituanian *stuñbras* 'aurochs'. «Revue roumaine de linguistique», 1975) др.-чеш. *zubr* 'тигр' < 'зубр' (V. Vondrák. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Bd. 1, 1924, стр. 558). Однако тюркское слово колеблется в пределах значений 'лев' — 'котенок' — 'дикий зверь' (Э. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков, I. М., 1974, стр. 178), от которых значение 'слон' отделено достаточно существенным семантическим расстоянием.

3. Хетт. *lahpa* 'слоновая кость' и греч. ἐλέφανς

В качестве миграционного термина следует рассматривать и греческое название слона и слоновой кости. В древнегреческий язык это название было заимствовано еще до микенской эпохи, как показывают многочисленные случаи его употребления в микенских (кносских — KN и пилосских — PY) текстах, ср. им. п. ед. ч. *e-re-pa* (KN Sd 4412, PY 249) = *elephans* (гомер. ἐλέφανς, Δ 141, δ 73), род. п. *e-re-pa-to* (KN 684, PY 287) = *elephantos* (гомер. ἐλεφαντος), дат. твор. пад. *e-re-pa-te* (KN 163, 266, PY 239) — *elephantei*, вин. пад. *e-re-pa-ta* (KN Og 7504). В микенских текстах засвидетельствовано также производное прилагательное, относящееся к столам и разным другим предметам из слоновой кости: м. р. *e-re-pa-te-jo*³⁷ (KN 265, PY 239) = *elephanteios* (ср. ἐλεφάντειος, Diosc.), ж. р. *e-re-pa-te-ja* (PY 240) = *elephanteiā*, твор. пад. мн. ч. м. р. *e-re-pa-te-jo-pi* (KN 276) = *elephanteiophi*, твор. пад. мн. ч. ж. р. *e-re-pa-te-ja-pi* = *elephanteiāphi*³⁸ (PY 242). Несомненна этимологическая связь с основой этих греческих слов хеттского *lahpa* — 'слоновая кость', значение которого удостоверяется благодаря засвидетельствованному в шумеро-аккадско-хеттском трехязычном тексте ряду шумер. *zú*, аккад. *šinnu*, хетт. *la-aḥ-pa-aš*³⁹. От этого слова в хеттском языке могла быть образована и активная одушевленная форма на *-ant-* **lahp-ant-*, которая по суффиксу совпала с греч. ἐλεφαντ- и поэтому могла бы рассматриваться как источник греческого заимствования, подобного ряду других архаических греческих терминов (исконное родство исключается в виду соответствия хетт. *-aḥ-* в греч. ε, тогда как в общеевропейских основах этой хеттской группе фонем должен был бы соответствовать долгий гласный). Но при предположении заимствования из хеттского в греческий оставался бы неразъясненным начальный протетический гласный ε и качество ε гласного во втором слоге греческого слова. Поэтому более вероятным представляется независимое заимствование из одного и того же источника в греческий и в хеттский, где наличие группы *-ḥp-* (в случае, если слово не содержит морфемного шва после корневого *-ḥ-* перед суффиксом *-pa* типа представленного в др.-хетт. *uaš-pa* 'одежда': *ueš-*, ср. корень *lah-* в редуцированном глаголе *lahlah-* 'пускать галопом лошадей' и 'быть озабоченным') и употребление слова *lahpa* с глоссовым клином позволяет определить его как иноязычное.

³⁷ См. об этой форме G. Nag y. *Greek dialects and the transformation of an Indo-European process*. Cambridge, Mass., 1970, стр. 149.

³⁸ M. Ventris, J. Chadwick. *Documents in Mycenaean Greek*, 2 ed. by J. Chadwick. Cambridge, 1973, стр. 545.

³⁹ E. Laroche. *Sur le nom grec de l'ivoire*. «Revue de philologie, de littérature et d'histoire ancienne», 1965, № 1; ср. E. Masson. *Recherches sur les plus anciens emprunts sémitiques en grec*. Paris, 1967, стр. 82; *Publication de la Mission archéologique de Ras Shamra*, f. XVI, стр. 310 и след., 773 и след.

Это название слоновой кости с глоссовым клином, отмечавшим чаще всего лувийские слова, встречается в хеттском поэтическом фрагменте, где речь идет о том, как Океан принимает у себя бога Солнца: *la-aḫ-pa-aš ú-nu-wa-an-du*⁴⁰ 'пусть они украсят слоновой костью' (стол или сиденье, на котором потом сидит Бог Солнца), KUB XXXVI 25. В идеографическом написании слоновая кость (в менее ясном контексте) встречается и в другом мифологическом повествовании — о гневе Великого Бога, сохранившемся как в хеттской версии, так и в лувийской⁴¹ (KUB XXXV 41, 107; KBo IX 127).

В некоторых из хеттских описаний богов встречаются такие их атрибуты, как орел из слоновой кости, лев из слоновой кости⁴². Из соответствующих археологических находок следует упомянуть два предмета слоновой кости из Анатолии в собрании Лувра⁴³. В цитированном поэтическом фрагменте хет. *laḫpa* относится к праздничному столу из слоновой кости, как и приведенное мик. греч. *e-re-pa-te-jo*. О значении (в том числе ритуальном) подобных изделий для микенской культуры свидетельствуют упомянутые выше тексты⁴⁴, в которых встречаются перечисленные формы, и многочисленные археологические открытия. В частности, недавно обнаруженная в Микенах мастерская мастера-резчика по слоновой кости находилась рядом с алтарем и фреской богини Potnia⁴⁵ («Госпожи»), что удостоверяет сакральную значимость

⁴⁰ E. L a r o c h e. Textes mythologiques hittites en transcription. Deuxième partie. Mythologie d'origine étrangère. — «Revue hittite et asianique», t. XXVI, 1968, стр. 187; H. O t t e n. Mythen vom Gotte Kumarbi. Neue Fragmente. Berlin, 1950, стр. 31 и сл.

⁴¹ H. O t t e n. Luvische Texte in Umschrift. Berlin, 1953, стр. 99—101; E. L a r o c h e. Dictionnaire de la langue louvite. Paris, 1959, стр. 159—162. Может быть, здесь слоновая кость имеет и некоторое мифологическое значение, но это трудно утверждать.

⁴² G. B r a n d e n s t e i n. Hethitische Götter nach Bildbeschreibungen in Keilschrifttexten (MVAG, Bd. 46, Hft. 2), Leipzig 1943, стр. 18; L.-J a k o b - R o s t. Zu dem hethitischen Bildbeschreibungen, t. I—II; «Mitteilungen des Instituts für Orientforschung», Bd. VIII, Hft. 2, 1961; Bd. IX, Heft 2/3, 1963; В. Г. А р д з и н б а. Двоичные символы в хеттских ритуальных текстах и функции хеттских придворных. «Древний Восток», сб. 1. М., 1975, стр. 265.

⁴³ № 1067 и 1068: C. D e s c a m p s de M e r t z e n f e l d. Inventaires commentés des ivoires phéniciens et apparentés découverts dans le Proche-Orient. Paris, 1954.

⁴⁴ Ср. также: P. C h a n t r a i n e. Termes mycéniens relatifs au travail d'ivoire. «Revue des études grecques», 70, 1958, стр. 201—211.

⁴⁵ W. D. T a y l o r. Mycenae. 1968. «Antiquity», vol. 43, 1969, стр. 91—92; О н ж е: New light on Mycenaean religion. «Antiquity», vol. 44, 1970, стр. 270—280. Ср. о слоновой кости в Угарите: Publications de la Mission archéologique de Ras Shamra dirigées par C. R. A. S c h a e f f e r, f. XIV. Le palais royal d'Ugarit. VIII. Ivoires du palais d'Ugarit suivis d'une étude d'ensemble des ivoires syriens du deuxième millénaire. Paris. Из более ранней литературы ср. R. D. B a r n e t t. Early Greek and Oriental Ivores. — JHS, vol. LXVIII, 1948.

работы мастера ⁴⁶, ср. помещение аналогичного мастера в «Доме щитов» ⁴⁷, а также находки изделий из слоновой кости в склепе Спаты (XIV—начало XIII в. до н. э.), в гробнице в Афинах, на Делосе и в Кноссе ⁴⁸. Эти произведения микенских мастеров всегда предположительно рассматривались как результат обработки привозного материала; несомненно, что привозным материалом слоновая кость была и у хеттов. Для определения вероятных путей заимствования может представлять интерес сопоставление с лат. *ebur* 'слоновая кость', возводимым к египет. *ḫbw* (на основании коптского восстанавливается **(j)ebu* ⁴⁹). Эту последнюю гипотезу можно подтвердить и указаниями на ввоз слонов и слоновой кости в Рим из Эфиопии в «Сатирах» Ювенала (*gurgus ad Aethiopum populos aliosque elephantos* — 'вплоть до племен Эфиопии и мест, где еще больше слонов!' ⁵⁰, X, 148—55, ср. XI, 124; XII, 103, 104). Вместе с тем возможным представляется в свою очередь и сближение егип. *ḫbw* (**jebu*) с др.-инд. *ibhaḥ* ⁵¹, которое, в свою очередь, согласуется с возведением эфиоп. *nagē* 'слон' (мн. ч. *nagēyāt*, *nagayāt*, вариант в книге Еноха, 86, 4, *nāgēyāt*) к др.-инд. *nāga* 'слон' ⁵². С предполагаемым египетским источником лат. *ebur* согласуется возможная афроазиатская (семито-хамитская) этимология греч. ἐλέφας. Это слово обнаруживает разительное сходство с котоко **ar(λ)pa* 'слон', кушит. **ar(λ)b-* ⁵³. Основным отличием формы котоко (и ку-

⁴⁶ M. Ventris, J. Chadwick. Указ. соч., стр. 411, 509.

⁴⁷ A. J. V. Waese. Ivory carvings from Myseneae. — «Archeology», 7, 1954, № 2, стр. 149—155; Т. В. Блаватская. Греция во втором тысячелетии до н. э. М., 1966, стр. 118, ср. о склепе Спаты, стр. 112.

⁴⁸ О трех последних местах находок см. Т. В. Webster. From Myseneae to Homer. London, 1958, стр. 27, tabl. 2, стр. 28, 102.

⁴⁹ E. Masson. Указ. соч., стр. 82; E. Lagache. Указ. соч., стр. 56—57. Исход лат. *ebur* сопоставим и с мик. греч. *e-re-pa-i-ro* (KN Vc 212), *e-re-pa-ro* (KN Vc 212).

⁵⁰ E. Laughton. Juvenal's other elephants. — «The Classical Review», № 5, vol. IV, 1956, № 3—4, стр. 201, ср. там же о связи названия Элефантины (упоминаемой Иосифом Флавием в «Иудейской войне», IV, 61) со слонами, о чем также: F. Daumas. La civilisation de l'Égypte pharaonique. Paris, 1967, стр. 598—599; ср. о слоне как эмблеме первого нома Верхнего Египта (Элефантины): Г. Чайльд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 129—130.

⁵¹ M. Mauryhoffer. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. 1. Heidelberg, 1956, стр. 90. Ср. данные о восточном происхождении (из Индии?) слоновой кости в микенской культуре, ср. L. A. Stella. La civiltà micenea nei documenti contemporanei. Roma, 1965, стр. 199—200.

⁵² J. Helevy. Traces d'influence indo-parsie en Abyssinie. «Revue sémitique d'épigraphie et d'histoire ancienne», t. IV, 1896, стр. 258; E. Littmann. Указ. соч., стр. 408—414; M. Mauryhoffer. Указ. соч. Lief. 10. Heidelberg, 1958, стр. 150—151; J. Vercoûtter. Un palais des «Candaces» contemporaine d'Auguste (Fouilles à Wad-ban-Mage, 1958—1960). «Syria», t. 29, 1962, f. 3—4, стр. 285.

⁵³ Формы приводятся согласно докладу А. Б. Долгопольского «Новые афроазиатские этимологии» на расширенном заседании Ленинградского Город-

шитской) от греческой является соответствие *r* греческому λ , что позволяет думать об устранении начального *r* при заимствовании. В этом случае преобразование объединяет греческий язык (до микенской эпохи) с хеттским (хотя появление \check{h} в хет. *lahpa* в этом случае остается необъясненным, поскольку связывать его с начальным кушитским *' не представляется возможным). Поэтому разбираемые слова⁵⁴ могут относиться к числу древних заимствований из афро-азиатских языков, объединяющих хеттский и греческий.

То обстоятельство, что в южные и юго-западные (лувийские) области Малой Азии в среднехеттскую эпоху изделия из слоновой кости привозили из Египта, доказывается письмом, в котором египетский фараон (Аменхотеп III, именующий себя Нимутрия — Ni-mu-ut-ri-ya) обещает правителю Арцавы прислать среди прочих даров 10 престолов из черного дерева и слоновой кости (10 GIŠGU. ZA ŠA GIŠESI IŠ. TU KA X UD A [M — SI]) V Bo T 1, 37. Это может служить доводом в пользу афро-азиатской этимологии лувийского названия слоновой кости.

ского Ассириологического Семинара, посвященном 60-летию И. М. Дьяконова, 6 февраля 1975 г. Сближение этих форм с егип. **jeb-* не кажется реальным.

⁵⁴ К проблеме смешения в словах, этимологически связанных с хет. *lahpa*, названий слона и верблюда, существенной для истории обозначения верблюда в славянских языках, значительный интерес представляет шумерский текст, где упоминается сладкое молоко животного *am-si-ḫar-ra-an*, отождествляемого с *i-bi-lu*, что объясняется смешением с *pi-i-lu* 'слон': B. Landsberger. Die Faune des alten Mesopotamien nach der 14. Tafel der Serie HAR. RA-ḫubullu. «Abh. d. Sachs. Akad. d. Wiss.», XLII, N VI, 1934, стр. 92; W. Nagel. Frühe Tierwelt in Südwestasien. «Zeitschrift für Assyriologie», Neue Folge, Bd. 21 (55), 1959, стр. 193. Согласно гипотезе Клаузона, тюркское название верблюда *arpa* происходит из тохарского (**alpi*), как и двусложное (а потому заимствованное) китайское: G. Clauson. Philology and archeology. «Antiquity», vol. XLVII, 1973, стр. 40 (ср. о китайском также E. G. Pulleyblank. Указ. соч., стр. 245). При несомненной важности верблюдов как средства передвижения в древней культуре Средней Азии, что подтверждается и раскопками в Южной Туркмении, достоверным можно считать только наличие древнего общего индо-иранского слова для верблюда (др.-инд. *uṣtra-*, авест. *uštra-*).